

РАЗРЯДЫ МЕСТОИМЕНИЙ И ИХ ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

Холикулова Юлдуз Шодиевна

*Преподаватель кафедры русского языка и
литературы Самаркандского государственного
педагогического института*

Асадова Ирода

*Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация. В данной статье исследуется функционально-семантическая природа местоимений как особого класса слов, лишенных собственного денотативного значения, но обладающих уникальной способностью к референциальной актуализации. Рассматриваются грамматические свойства разрядов местоимений в контексте их синтаксической роли и морфологической вариативности. Особое внимание уделяется «дейктическому потенциалу» и «анафорической функции», которые позволяют местоимению выступать связующим звеном между текстом и экстралингвистической реальностью.

Ключевые слова: местоимение, дейксис, анафора, грамматические категории, референция, функциональная семантика.

Abstract. This article explores the functional and semantic nature of pronouns as a special class of words lacking their own denotative meaning but possessing a unique capacity for referential actualization. The grammatical properties of pronoun categories are examined in the context of their syntactic role and morphological variability. Special attention is paid to the «deictic potential» and «anaphoric function,» which allow the pronoun to act as a link between the text and extralinguistic reality.

Keywords: pronoun, deixis, anaphora, grammatical categories, reference, functional semantics.

Проблема классификации местоимений в лингвистической науке традиционно сопряжена с их «хамелеонной» природой. В отличие от однозначных имен существительных, которые закрепляют за собой определенное понятие, местоимение представляет собой пустую форму, готовую наполниться содержанием лишь в момент речевого акта. Местоимения выделяются в особую категорию не по морфологическим признакам, а по характеру их отношения к обозначаемому объекту. Грамматическая природа местоимения дуалистична. С одной стороны, они дублируют морфологические категории тех частей речи, которые замещают (род, число, падеж), с другой — обладают уникальными характеристиками, такими как категория лица. Разряды местоимений (личные, возвратные, притяжательные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные и определительные) формируют сложную систему координат, в которой «Я» — это центр речевой вселенной, а всё остальное определяется через дистанцию к этому центру.

Личные местоимения («я», «ты», «мы», «вы», «он») являются фундаментом коммуникации. Их грамматическое свойство — изменчивость по лицам — не имеет аналогов у существительных. Интересно, что в художественной ткани литературы личные местоимения часто претерпевают метаморфозы. Вспомним глубокие размышления из классической прозы, где герой, глядя на свое отражение, перестает воспринимать себя через «я», переходя к отстраненному «он». Это явление лингвистической деперсонализации подчеркивает, что местоимение — это не просто ярлык, а динамическая позиция субъекта. В критических работах, анализирующих психологизм прозы, часто подчеркивается, что смена местоименного ракурса позволяет автору обнажить внутренний конфликт персонажа, превращая грамматическую единицу в инструмент психоанализа.

Возвратное местоимение «себя» занимает уникальную нишу. Оно лишено категории именительного падежа, рода и числа, что делает его «чистым»

вектором действия, направленного на субъекта. Критики, исследующие структуру исповедальных текстов, указывают, что «себя» в русской литературе часто выступает как грамматическая граница между внешним миром и внутренним «Эго», где отсутствие формы именительного падежа символизирует невозможность полной объективации собственного духа.

Притяжательные местоимения («мой», «твой», «наш») грамматически уподобляются прилагательным, согласуясь с определяемым словом. Однако их семантика глубже простого обладания. В мотивов владения, встречающихся в великих романах, «моё» часто становится синонимом расширения личности на предметы. Предмет перестает быть вещью в себе и становится частью субъекта. В.В. Виноградов подчеркивал, что притяжательность в языке тесно связана с категорией лица, фактически являясь его атрибутивным продолжением [3, с. 312].

Указательные местоимения («этот», «тот», «такой») реализуют функцию дейксиса. Они буквально «указывают пальцем» в пространстве языка. Грамматически они стабильны, но их референциальная мощь огромна. Без них невозможна связность текста. Литературные критики часто обращают внимание на то, как авторы-минималисты используют указательные местоимения для создания эффекта «присутствия здесь и сейчас», когда лаконичное «это» заменяет пространные описания декораций, вовлекая читателя в непосредственный контакт с объектом.

Вопросительные и относительные местоимения («кто», «что», «какой») функционально различны, хотя морфологически идентичны. Первые создают лауну, требующую заполнения информацией, вторые — служат скрепами в сложноподчиненных предложениях. Грамматическое свойство местоимения «кто» — одушевленность — закладывает фундаментальное разделение мира на субъектов и объекты. Как отмечал А.М. Пешковский, относительные местоимения являются «двуликими Янусами», одной стороной обращенными к

синтаксической связи, а другой — к лексическому значению замещаемого слова [4, с. 162].

Неопределенные местоимения («некто», «что-то», «какой-либо») вносят в язык категорию неизвестности или неважности объекта. Грамматически они часто оформляются аффиксами (-то, -либо, -нибудь, кое-), которые сигнализируют о разной степени дистанцированности говорящего от предмета. В художественных произведениях жанра нуар или мистики эти разряды становятся стилеобразующими. Неопределенность местоимения рождает тревогу: когда «кто-то» важнее, чем конкретное имя, страх становится универсальным.

Отрицательные местоимения («никто», «ничто») служат для выражения отсутствия предмета или признака. Их грамматическое свойство — обязательное наличие частицы «не» или «ни», которая в определенных условиях становится приставкой. В экзистенциальной литературе эти формы приобретают философский вес. Критики подчеркивают, что через отрицательные местоимения язык пытается выразить категорию «небытия», придавая пустоте грамматическую плоть.

Наконец, определительные местоимения («сам», «самый», «весь», «каждый») выполняют роль кванторов. Они обобщают или выделяют объект из ряда подобных. Грамматически они ведут себя как типичные адъективные формы, но их значение всегда тяготеет к логическим операциям включения или исключения. Местоимения представляют собой не просто «заместителей» имен, а сложную систему референциальных знаков, которые организуют пространство дискурса. В следующей части мы более подробно остановимся на синтаксической роли местоимений и их поведении в структуре текста, опираясь на современные теории дискурс-анализа.

Если морфологический статус местоимений определяет их «инвентарную» принадлежность, то синтаксис раскрывает их истинную природу как инструментов управления вниманием. Грамматические свойства

местоимений в предложении вариативны: они могут выступать в роли подлежащего, дополнения, определения или обстоятельства. Однако их главная синтаксическая заслуга заключается в реализации анафоры — связи, при которой местоимение отсылает к ранее упомянутому фрагменту текста. В лингвистических трудах Н.Ю. Шведовой подчеркивается, что местоимение обладает «релятивной семантикой» [6, с. 541]. Это означает, что оно не просто заменяет имя, а удерживает в памяти слушателя логическую цепочку, не допуская избыточности. Без этой способности язык стал бы громоздким и задыхался бы от повторов. Однако в художественной литературе этот «заместительный» механизм часто используется для создания намеренной двусмысленности. В критических очерках о прозе символизма часто отмечается, как авторы злоупотребляют местоимением «он» без явного antecedента (слова-предшественника), тем самым создавая образ таинственного «Чужого», который присутствует в пространстве текста, но лишен имени и плоти.

Особого внимания заслуживает категория лица в синтаксическом аспекте. Переход от «я» к «мы» в политическом или философском дискурсе — это не просто смена числа, а грамматический жест солидаризации или, напротив, снятия личной ответственности. В классических произведениях, посвященных судьбам народа, художественный пересказ часто строится на этом расширении: индивидуальное страдание героя («мне больно») трансформируется в коллективный опыт («нам не вынести»), где местоимение становится носителем идеологического смысла. Как замечал М.М. Бахтин, местоимение «я» в диалоге никогда не бывает одиноким — оно всегда соотнесено с «ты», и эта грамматическая пара образует первичную ячейку человеческого бытия [2, с. 203].

Грамматические свойства указательных местоимений («это», «то») в структуре сложного предложения часто выполняют функцию актуального членения. Они выделяют рему — то новое, что сообщается о предмете. В критике модернистского текста исследователи указывают на специфический

прием «указательного захвата»: когда предложение начинается с местоимения «Это...», автор сразу ставит читателя перед фактом, заставляя его принять предлагаемую реальность как нечто уже данное и неоспоримое. Это превращает грамматическую единицу в инструмент суггестии (внушения). Вопросительные местоимения в синтаксисе выполняют роль структурных доминант. Они не только запрашивают информацию, но и задают рамку возможного ответа. Грамматическая категория одушевленности/неодушевленности («кто» vs «что») здесь проявляется наиболее ярко. В философских подтекстах русской классики часто встречается прием овеществления человека через использование местоимения «что» вместо «кто». Художественный пересказ подобных сцен обнажает трагедию утраты личности: когда о человеке говорят как о предмете, грамматика становится инструментом социального или морального приговора.

Отрицательные и неопределенные местоимения в контексте синтаксического отрицания создают специфическое «поле отсутствия». В русской грамматике существует явление двойного отрицания («никто не пришел»), которое усиливает категоричность высказывания. В экзистенциальных анализах текстов Ф.М. Достоевского критики подчеркивают, что обилие отрицательных местоимений в монологах героев свидетельствует об их «онтологическом тупике» — попытке найти опору в мире, где все определенности стерты.

Супплетивизм (изменение корня при склонении, например, «я» — «меня») является реликтом глубокой древности и подчеркивает особый статус этих слов. С точки зрения когнитивной лингвистики, такая резкая смена формы указывает на то, что субъект («я») и объект, на который направлено действие («меня»), воспринимаются человеческим сознанием как принципиально разные сущности, несмотря на их логическое тождество. В современной коммуникации, особенно в цифровой среде, разряды местоимений претерпевают новые трансформации. Притяжательные формы начинают использоваться для выражения не столько собственности, сколько эмоциональной причастности («мой город», «наш

фильм»). В критических работах по социолингвистике отмечается, что современные авторы часто используют неопределенные местоимения для создания эффекта «размытой реальности», где ни одно событие не претендует на окончательную истинность. Местоимения — это не просто вспомогательный класс слов, а фундаментальная сетка, брошенная на мир. Они позволяют языку быть гибким, экономным и глубоко субъективным. Грамматические свойства местоимений — их способность менять облик в зависимости от контекста и лица — делают их идеальными проводниками человеческих смыслов. От дейктического указания на предмет до сложнейших анафорических построений в философском трактате, местоимение остается единственной частью речи, которая не называет мир, а проживает его вместе с говорящим.

Список использованной литературы:

1. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Художественная литература, 1972. (Анализ диалогической природы «Я» и «Ты»).
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика (идеи о субъективности в языке и роли личных местоимений).
6. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980.